

СИМВОЛИКА СВЕЧИ В ПОЭЗИИ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО

Статья посвящена анализу стихотворений И. Анненского, в которых содержится образ свечи, что позволяет выявить мотивно-тематический комплекс, благодаря которому развивается символика обозначенной предметной детали. Учитывая, что образ свечи связан практически со всеми ключевыми темами лирики Анненского (любви, творчества, смерти), в статье выдвигается и доказывается предположение об особой его роли в поэтическом мире автора, заключающейся в осуществлении посредством него смыслового взаимодействия разными мотивно-тематическими блоками.

Ключевые слова: символика, свеча, поэзия, лирика, И.°Анненский

Неоднократно отмеченное в научной литературе свойство поэтического мира И. Анненского – предметность – делает необходимым детальное изучение тех реалий, которые образуют его поэтическую систему. Согласимся с Ф.П.°Федоровым, что конкретность изображенного им мира приводит к тому, что «...у Анненского торжествуют слова, имеющие значение предметности, торжествуют существительные» [8, 115]. При этом, как продолжает исследователь: «Предметный мир, создаваемый Анненским не статичен, он приведен в движение, характеризуется процессами» [8, °116]. Это наблюдение Ф.П. Федорова позволяет утверждать, что в поэтическом мире И. Анненского предметный символ зачастую становится источником лирического сюжета, движение которого обеспечивается разверткой символа посредством поэтических мотивов. Обратимся к одному из самых распространенных в его лирике предметных символов – свече.

Согласно данным «Частотного словаря лексики лирики И.Ф.°Анненского», слово «свеча» употребляется в его поэзии 28 раз [6, °5]. Образ свечи встречается в обеих книгах стихов и в стихотворениях, не вошедших в их состав. Так, четыре стихотворения из поэтической книги «Тихие песни» «Ненужные строфы», «Трактир жизни», «Свечка гаснет», «Желание» объединены общим семантическим наполнением образа свечи, актуализирующим мотив

умирания и тему смерти, благодаря тому, что она представлена в них угасающей или догоревшей: огарок, свечка гаснет, догоревшая свеча. Даже когда свеча предстает только что зажженной, как в стихотворении «Ненужные строфы», она несет в себе семантику смерти, будучи наделенной эпитетом «погребальная».

Показательно, что тематически эти стихотворения принадлежат к разным блокам. Так, «Ненужные строфы» связаны с развитием темы творчества, и мотив смерти, актуализированный образом зажженной погребальной свечи, обрекает на пламя именно рукописи с теми стихами, которые сам автор считает слабыми или больными: «И дети бледные Сомненья и Тревоги / Идут к нему приять пурпуровые тоги»[°][I, 63]. В стихотворении «Трактир жизни» плывущий огарок в сенях этого метафизического пространства оказывается атрибутом гробовщика, символично подводящего итоги жизни выходящего из трактира лирического героя: «А в сенях, поди, не жарко: / Там, поднявши воротник, / У плывущего огарка / Счеты сводит гробовщик»[°][I, 66]. Тем самым символ плывущего огарка сочетает в себе и традиционную семантику жизни, подошедшей к финалу, и в то же время уродство этого огарка ассоциативно сочетается с оценкой прожитой покидающим трактир жизни, вставая в один ряд деэстетизирующих дурман существования вещных символов: муть вина, нагие кости, пепел стынувших сигар. Таким образом, стихотворение в целом входит в экзистенциальный тематический блок. Такое семантическое сочетание в развитии символики свечи, возможно, было подсказано наблюдениями над поэтическим языком русского фольклора, которые обнаруживаются в университетской работе И. Анненского. В ней слово «свеча» (свѣща) анализируется им как символ смещения наружного огня со светом. «Умиравшего человека часто сравнивают со свечой (или падающей звездой – Б.,[°]II,[°]18, 28). Этой свече придаются эпитеты: милая, нетопленая, местная (Ср.[°]Р., 394; Г., 981). Вероятно в народной фантазии играет роль не только свет, но и некоторая теплота горящей свечи, эмблема жизненности» [2, 3–4] (*здесь и далее, а также при оформлении библиографического описания перевод работы И. Анненского «Из наблюдений над языком и поэзией Русского Севера» в современную орфографию осуществлен нами – Н. Н.*). И практически сразу после анализа образов свечи и смолы Анненский переходит к рассмотрению поэтических выражений «...того внутреннего пламени, которое в народной фантазии пожирает то сердце, то утробу, то жилы, то кровь человека и характеризует несколько разнородных душевных движений и состояний» [2,[°]4]. Среди них Анненский выделяет «сильное

желание, страсть, похоть» [2, 4], «прилив силы, удали» [2, 5], «аффект гнева» [2, 6]. Возвращаясь к стихотворению «трактир жизни», мы видим, что в символе плывущего огарка соединилось представление об умирании с образом жизни, прожитой во власти страстей. «Свечка гаснет» музыкально-ассоциативными рядами, актуализирующими мотивы бессонницы и сна, соприкасается с темой потаенной любви, особенно если учитывать связь этого стихотворения с его «вариантом» «Сон и нет». Наконец, последнее стихотворение «Тихих песен» «Желание» напрямую соотносит образ догоревшей свечи с темой смерти как окончанием жизненного пути лирического героя. Но так как в контексте поэтической книги путь лирического героя раскрывается посредством метасюжета как искание идеала и служение Поэзии, талый воск догоревшей свечи в этом стихотворении противопоставлен плывущему огарку из «Трактира жизни» как финал осмысленно прожитой жизни, просветленной исканием Красоты и смирением перед тем, что идеал надмирен, драматически трезвящему концу одурманенного суетой повседневности сознания лирического я. Можно видеть, что в этих стихотворениях символ свечи художественно выполняет отмеченную в работах Л.Я. Гинзбург [3] и Л.А. Колобаевой универсальную функцию: «Свойственные его стилю символы, предметные по внешней форме, суть образы «психических актов», глубин сознания поэта в его отношении к загадке времени, смерти, бесконечности, миру Не-Я» [4, 153].

В «Кипарисовом ларце» символика свечи развивается и усложняется. Так, в первом же трилистнике завершающее его стихотворение «Свечку внесли» насыщено мистическим мотивом способности лирического я пережить миг прикосновения к миру идеала, что было отмечено еще И.П. Смирновым [7, 77]. Показательно, что возникшее притяжение и переживание инобытия рассеивается светом свечи, которая характеризуется нетипично интенсивным, с точки зрения семантики, глаголом – «запыляет». По мнению Ю.В. Шевчук, в этом стихотворении «горящая свеча, ставшая символом скоротечности человеческой жизни и памяти о ней, у Анненского является знаком человеческого единения в переживании опасности жизни и страха смерти» [10, 189]. Представляется, что мотив единения здесь представлен и во взаимосвязи с темой любви. Так, хотя в пламени свечи сгорает зыбкое чувство гармонии слившихся душ, однако, осветив глаза возлюбленной, оно, тем не менее, не способно окончательно испепелить пережитое мгновение, которое зыбкой тенью остается в голубом пламени ее глаз, зеркально сохраняющих пережитый миг соприкосновения двух я.

В следующем трилистнике («Трилистник соблазна») в стихотворении «Смычок и струны» пара свечей в образной композиции соотнесена с парными элементами музыкального инструмента (скрипки) посредством мотива роковой предопределенности того, что им выпало: «Кому ж нас надо? Кто зажжет / Два желтых лика, два унылых... / И вдруг почувствовал смычок, / Что кто-то взял и кто-то слил их» [I, 87]. Язычки пламени зажженных свечей образуют такую же пару, как встретившиеся по воле рока-музыканта смычок и струны, благодаря чему усиливается мотив высшей власти Красоты, Любви, Музыки, мучительно раскрывающейся в невольности субъектов переживания, прикоснувшихся к тому или иному идеалу. И мука здесь не только страдание горения/звучания (то есть самого переживания как такового), но из-за невольности случившегося – «кто-то взял и кто-то слил их» – мучительное понимание хрупкости переживаемого счастья и неподвластности события любви, вдохновения, жизни человеческой воле. В таком же поэтическом контексте образ свечи употреблен Анненским и в стихотворении «Госка медленных капель» из раздела «Разметанные листы». Причем в этом стихотворении открывается еще одна грань невольного страдания – «безнадежная связь двух тающих жизней во мраке», символично воплощающая в себе тему потаенной любви с одновременной невозможностью как воплотить, так и преодолеть ее.

В «Трилистнике кошмарном» образ свечи встречается дважды. Так, в первом стихотворении «Кошмары» горящая свеча становится символом пробудившегося сознания лирического я, вышедшего из состояния кошмарного сна и с облегчением обнаружившего себя в знакомой комнате: «И вдруг я весь стал существо иное... / Постель... Свеча горит. На грустный тон / Лепечет дождь... Я спал и видел сон» [I, 100]. Отчасти этот образ горящей свечи как трезво работающего сознания пересекается с мотивом утраты мистического переживания единства двух душ в стихотворении «Свечку внесли». Однако если в предыдущем стихотворении выход сознания к трезвости воспринимался драматично, то здесь наблюдается обратная оценка. При этом показательно, что оба стихотворения посвящены теме любви, однако в разном ее преломлении в человеческом сердце. В первом из них любовь изображена как гармоничное чувство единения душ, поэтому ее утрата и вызывает сожаление, выраженное в том числе и эмоциональной оценкой образа запылавшей свечи, символизирующего вспыхнувшую работу сознания: «Но едва запылает свеча, / Чуткий мир уступает без боя, / Лишь из глаз по наклонам лучка / Тени в пламя сбегут голубое» [I, 86]. Союзная частица «лишь» подчеркивает эту модальность сожаления об утрате, но и ограничивает ее в пассивной констатации факта. Во втором же стихотворении тема любви раскрывается как страстное чувство, одурманивающее сознание

и лишаящее воли, воспринимающееся как удушливый кошмар, отсюда и выход – горящая свеча уже не символ утраты, а знак победившего бред сознания и воли лирического субъекта.

В следующем стихотворении микроцикла «Киевские пещеры» образ свечи из атрибута храмово-монастырского пространства начинает превращаться в самостоятельный символ одурманенного сознания, которое, цепляясь за традицию, обнаруживает себя заживо погребенным. Впервые в лирике Анненского гаснущая свеча не соотнесена с угасанием сознания, напротив. Вопреки этому архаичному мотиву рождается другой – традиционный символ гаснущей свечи, рождая в душе страх своим умиранием, тем не менее, высвобождает волю лирического я, опирающуюся в образовавшейся темноте лишь на желание жить, побуждающее к самостоятельному поиску выхода из беспросветной тьмы: «Как? Ни людей, ни пути? / Гасит дыханье свечу? / Тише... Ты должен ползти...» [I, 101]. Не типичность развивающейся символики гаснущей свечи в этом стихотворении обусловлена неугасимым стремлением лирического я к идеалу, который лишь кажется утраченным (мотив темноты). Но побуждающее лирическое я к действию чувство долженствования и необходимости продолжать путь исходит уже не от того, что казалось незыблемым (свечи как символ тех идеалов, что обусловлены православной традицией и культурой), т.к. свеча погасла и тьма обступила со всех сторон, а обусловлено знанием о том, что свет (=идеал), в принципе, объективно существует, поэтому, даже не зная его, не зная направления движения, путь должно продолжать, преодолевая страх упованием. Такое развитие лирического сюжета актуализирует метаморфозу образа Киево-Печерской Лавры в символ платоновской пещеры, который представляет земное существование человека как ситуацию неподлинного, иллюзорного восприятия теней на стенах пещеры на подлинную реальность, которая, на самом деле, открывается лишь за пределами пещеры. Поэтому гаснущая свеча парадоксально оказывается не символом умирания, как в ранее рассмотренных стихотворениях Анненского, а напротив, символом побуждения к поиску подлинного выхода к не иллюзорной, исполненной смысла и света жизни, противопоставленной тому типу бессмыслицы, которая у поэта получила символическое воплощение во взаимосвязанных образах трактира жизни и плывущего огарка.

Закономерно, что в стихотворении «Перед панихидой» из «Грилистника траурного» свечи, используемые в похоронном обряде, вновь выступают не в традиционном значении, связанном с мотивами заупокойной молитвы и надежды на бессмертие души, а неким знаком материализации страха: «И с поясным

поклоном Страх / Нам свечи раздает» [I, 105]. В заключительном стихотворении этого трилистника «Светлый нимб» погребальные свечи снова выступают одним из элементов непроясненной ситуации утраты. Но теперь они отступают в своем пугающем значении под напором немеркнувшего чувства лирического субъекта, свидетельствующего о силе человеческой души сопротивляться, казалось бы, всесилию смерти и забвения: «отчего ж я фату навсегда, / Светлый нимб навсегда полюбил?» [I, 106]. Если все обречено праху: «Зыбким прахом закатных полос / Были свечи давно облиты» [I, 106], то почему человеческое сердце способно испытывать любовь, живое чувство к тому, кто необратимо ушел за грань этого мира? Этот, казалось бы, простой вопрос ставит теперь уже под сомнение власть смерти и торжество ее страха, утверждающееся силой разума, но опровергающееся самим феноменом чувства. Столь же неоднозначно в контексте похоронного обряда образ свечи раскрывается и в стихотворениях «Серебряный полдень»: «Подумать, что помпа бюро, / Отней и парчи серебро, / Должна потускнеть в фиоами: / Пришли Арлекин и Пьеро, / О, белая помпа бюро! / И стали у гроба с свечами!» [I, 128] и «У св. Стефана».

Следует также отметить, что символ оплывающей свечи соотносится у Анненского с темой любви и страсти, особенно ярко проявляясь в этой поэтической семантике в таких стихотворениях, как «Струя резеды в темном вагоне», «Сестре», «Canzone». В первом из них плывущие свечи становятся символом любовного страстного свидания, будучи элементом убранства ирреальной комнаты, в которой новобрачная, оставив жениха, в мечте отдается любимому ею человеку. Более сглажено и одухотворенно образ плывущей свечи проявлен в стихотворении «Сестре», где с его помощью актуализируется мотив воспоминания о первой, еще детской влюбленности, завершая собой сюжет воспоминания и вбирая в себя эти дорогие сердцу мечты: «В медном подсвечнике сальная / свечка у няни плывет... / Милое, тихо-печальное, / Все это в сердце живет...» [I, 147]. Зажженная свеча становится символом воображаемого и желанного свидания и в третьем из перечисленных стихотворении: «Если б вдруг ожила небылца, / На окно я поставлю свечу, / приходи... Мы не будем делиться, / Всё отдать тебе счастье хочу! [I, °156].

В «Зимнем романсе», изображающем смерть любви, вновь появляется образ свечи, наделенный нетипичным для Анненского эпитетом, «угрюмая», подчеркивающим состояние души лирического субъекта, из которого не ушло горящее чувство, но в силу обреченности на одиночество и неразделенность, это чувство символично сравнивается с угрюмой свечой, горящей в застывшей зимней ночи: «На черное глядя стекло / Один, за свечою угрюмой, / Не думай о том, что прошло; / Совсем, если можешь, не думай!» [I, 196]. Более прямо лирический субъект сравнивается со свечой в

стихотворении «Три слова», во второй строфе которого образ горящей свечи раскрывается как несколько вариантов жизненного пути, самих отношений человека с реальностью, что выражено посредством мотива горения: «Сгорать ли мне в ночи немой, / Свечой послушной и прямой, / Иль спешно, бурно, оплывая...» [1, 195]. Ирония предложенного человеку выбора в том, что как бы ни горела свеча: послушно и прямо или бурно оплывая – исход у обоих вариантов один. Тем не менее, эта ирония носит трагический характер, увязывая символ свечи с тремя словами-символами этапов жизненного пути человека – явиться, сгорать и уйти. Согласно наблюдениям А.°Моторина, эти глаголы-сказуемые, непосредственно связанные с эстетикой И. Анненского, обусловлены самоопределением лирического я как художника [5, 525-526], что, на наш взгляд, наделяет символику свечи, неразрывно связанную с мотивом горения, в том числе и семантикой вдохновенного состояния, благодаря которому ирония и получает трагедийное звучание, усиливая и акцентируя выбор лирическим героем второго, бурного варианта сгорания, соотносимого с творческой самореализацией я в мире.

Таким образом, подводя итог разговору о символике свечи в лирике Анненского, следует отметить взаимосвязь этого образа со всеми ключевыми темами поэта – творчества, любви, смерти, обозначив тем самым его как один из символов-скреп поэтического мира Анненского, чем и обусловлено многообразие мотивов, посредством которых он семантически раскрывается в смысловой организации отдельных стихотворений. Проведенный анализ несколько корректирует мнение А. Ханзен-Леве, что «...у Анненского «свеча» ассоциируется почти исключительно с угасанием, то есть смертью и уничтожением» [9, с. 310], позволяя утверждать мысль о том, что в его творчестве символика свечи не исчерпывается только танатологическим смысловым наполнением.

Литература.

1. Анненский, И.Ф. Стихотворения и трагедии / И.Ф.°Анненский; [вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. А.В.°Федорова]. – Л., 1990. – (Библиотека поэта. Большая серия).
2. Анненский, И.Ф. Из наблюдений над языком и поэзией Русского Севера / И.Ф. Анненский. – СПб., 1883.
3. Гинзбург, Л.Я. О лирике / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Сов.писатель, 1974. – 320 с.
4. Колобаева, Л.А. Русский символизм / Л.А.°Колобаева. – М.: Издательство Московского университета, 2000. – 277 с.

5. Моторин, А. Теория художественного образа у И.Ф.°Анненского / А. Моторин // Иннокентий Федорович Анненский (1855 – 1909). Материалы и исследования: По итогам международных научно-литературных чтений, посвященных 150-летию со дня рождения И.Ф. Анненского / Редакторы-составители С.Р. Федякин, С.В. Кочерина. – М., 2009. – С. 520 – 528.
6. Новикова, У.В. Частотный словарь лексики лирики И.Ф. Анненского / У.В. Новикова. – Краснодар, 2006.
7. Смирнов, И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем / И. П. Смирнов. – М.: Наука, 1977. – 203 с.
8. Федоров, Ф.П. О художественной системе лирики И.Ф. Анненского («Старая шарманка») / Ф.П. Федоров // Вопросы сюжетосложения. – Вып. 4. – Рига, 1976. – С. 112 – 129.
9. Ханзен-Лёве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / А. Ханзен-Лёве; [пер. с нем. М. Ю. Некрасова]. – СПб.: Академический проект, 2003. – 814 с
10. Шевчук, Ю.В. Лиризм в поэзии Серебряного века (И.°Анненский и А. Ахматова) / Ю.В. Шевчук. – М.: Совпадение, 2015. 543 с.

THE SYMBOLISM OF THE CANDLE
IN THE I. ANNENSKY'S POETRY

N. V. Nalegach

Abstract

The article is devoted to the analysis of I. Annensky's poems that contain the image of a candle that allow to clear up the motive-thematic complex owing to which the symbolism of revealing subject detail is developed. Taking into account that the image of the candle is practically connected with all the key topics of I. Annensky's lyrics (love, creation, death) in the article is moved forward and proved the supposition about its particular role in the poetic world of the author that consists in the realization by means of this symbol the sense interaction of different motive-thematic blocks.

Key words: symbolism, candle, poetry, lyrics, I. Annensky